

## Библиотека «энциклопедиста»: из опыта изучения собрания книг А. Ф. Вельтмана

Александр Фомич Вельтман был известен современникам не только как плодовитый литератор, но и как историк, археолог, знаток древностей, одаренный лингвист и музыкант. Хотя за пределами Российской империи Вельтман бывал только в годы своей службы в Бессарабии и участия в русско-турецкой войне (1818—1831), знания, полученные им из книг, помогали создать образ ученого-путешественника, который зафиксировал в своих воспоминаниях А. Ф. Кони, племянник писателя:

На стенах его обширного кабинета висели картины из жизни туземцев Индии, и в минуты отдыха, в теплом халате и с длинной трубкой Жукова табаку, всегда серьезный и углубленный в себя, он оживлялся в беседе о факирах, индийских магах и в особенности о буддизме, основы которого им были изучены основательно, что в то время было большой редкостью [Кони 1969: 146].

При стремлении Вельтмана к энциклопедическому знанию и непрерывному самообразованию книги становились единственным и надежным средством «видеть божий мир», как иронически пишет автор в первой главе романа «Предки Калимероса. Александр Филиппович Македонский»:

Хоть вы златницами меня обсыпьте и обвесьте,  
Как идолу молитесь мне,  
Но с тем, чтобы я сидел на месте  
И видел божий мир лишь в книгах да во сне  
Не соглашусь!  
Но если человек самой Судьбою скован,  
И счастье не везет...душа его на дне,  
И он, как говорят по-польски, замурован,  
Но видит божий мир и в книгах и во сне...  
Что ж делать!  
[Вельтман 1836: 5].

Практически полностью сохранившееся собрание книг, принадлежавших Вельтману, занимает два раздвижных









лица помешаны на этимологическом производстве слов; неужели г. Вельтман захотел быть изобретателем особенного рода романов — этимологических!.. [Белинский 1976: 488].

Помимо увлечения этимологией, которое критик считал основой для написания романа «Предки Калимероса», Вельтман интересовался литературой путешествий, и это не могло не повлиять на замысел принесшего ему славу «Странника». В библиотеке Вельтмана хранятся отечественные и иностранные образцы жанра: «Путевые заметки за границей» В. И. Чарыкова (1858), «Путешествие капитана Парри в 1819 году для открытия северо-западного пути» (1822), «Voyage au Canada, dans les années 1795, 1796 et 1797» И. Вельда (1802—1803), «Путевые записки из Парижа в Иерусалим и из Иерусалима в Париж» Ф. Р. Шатобриана (1815) и др.

Среди них есть книги, которые Вельтман читал внимательнее, чем прочие: об этом говорит обилие помет. Книга «Путевые записки из Парижа в Иерусалим и из Иерусалима в Париж» Шатобриана в переводе П. И. Шаликова (М., 1815) содержит ряд таких помет. Вельтман разделял идеи французского романтика. Так, в статье 1840 г. «Русская словесность» Вельтман в подкрепление своих суждений приводит цитаты из Шатобриана [см.: Вельтман 1840: 12].

Уже в предисловиях «Странника» и «Путевых записок» встречаются переклички.

«Странник»	«Путевые записки из Парижа в Иерусалим...»
<p><b>Я путешествую не для того, чтобы вы читали мое путешествие<sup>1</sup></b>; но если оно попало уже к вам в руки, и вы непременно желаете видеть следы мои, от самой точки отъезда до благополучного возвращения, то по прибытии в Нубию я объявлю вам цель своего путешествия и для чего я писал его [Вельтман 1978: 10].</p>	<p>Если б я сказал, что записки сии не с тем были писаны, чтобы издать их в свет, что печатаю их неохотно или почти поневоле, то я сказал бы правду, и, вероятно, мне бы не поверили.</p> <p><b>Я не с тем ездил, чтобы издать мое путешествие; намерение мое было иное</b> [Шатобриан 1815: [1]].</p>

<sup>1</sup> Здесь и далее выделение полужирным наше. — А. Г.

Однако очевидно, что задачи Вельтмана и автора «Записок» различны. Серьезность Шатобриана, признающего читателю, что он не собирался публиковать путешествие, а только фиксировал материалы для другого сочинения (имеются в виду «Мученики»), у Вельтмана превращается в иронию. Автор «Странника» предлагает читателю поверить, что перед ним материалы, также собранные с некоторой целью, но это оказывается уловкой и мистификацией.

Ниже следуют два примера из «Записок», которые Вельтман отчеркнул на полях или подчеркнул в тексте, а также цитаты из «Странника», близкие к выделенным у Шатобриана.

«Странник»	«Путевые записки из Парижа в Иерусалим...»
<p>Кончаю свой день, оставляю последователей моих размышлять о превратностях судьбы и странностях человека и, утомленный, склоняюсь на ложе сна [Вельтман 1978: 39].</p>	<p>Я предался размышлениям, которые всякий может иметь, а я более другого, о превратностях человеческой судьбы: сколько мест уже были свидетелями спокойного и возмущенного моего сна!» [Шатобриан 1815: 74].</p>
<p>Таким образом, в молодости, нанизав на память все прекрасное, все полезное, все высокое, под старость от <i>нечего делать</i> можно перебирать эти четки. Как сладко воспоминание, как хороша и старость, когда она есть тихая задумчивость о прошедшем! [Вельтман 1978: 158].</p>	<p>Все это нравится в двадцать лет, потому что жизнь тогда довольствуется, так сказать, сама собою, и потому что в первой молодости есть нечто беспокойное и неопределенное, влекущее нас беспрестанно к химерам, <i>ipsi sibi somnia fingunt</i>;<sup>2</sup> но в зрелых годах разум возвращается ко вкусам гораздо основательнейшим: он наипаче желает питаться воспоминаниями и примерами из дееписаний [Шатобриан 1815: 122].</p>

Герой Шатобриана размышляет о превратностях судьбы человека сам, а повествователь в «Страннике» предоставляет это читателю. Первый и во сне не может расстаться с волнующими

<sup>2</sup> Их собственные мечты. — Пер. с лат. А. Г.



довольствоваться ее?» [Стерн 1804: 34], в «Страннике» имеет структурного «близнеца»: «Что пользы все видеть и, подобно Пиррону и его последователям, во всем сомневаться; не лучше ли ничего не видеть и ни в чем не сомневаться?» [Вельтман 1978: 9].

Другая помета стоит напротив слов: «НАУКАМ ВСЕГДА МОЖНО ВЫУЧИТЬСЯ ПО РУТИНЕ, — НО МУДРОСТИ НИКОГДА» [Стерн 1804: 116]. Понимание мудрости как высшего знания, дарованного людям богами и утраченного ими, находит отражение в статьях Вельтмана «Мысли о настоящей литературе» [см.: НИОР РГБ. Ф. 47. Разд. I. К. 19. Ед. хр. 1: 5—5 об.] и «Русская словесность» [см.: Вельтман 1840]. Также и в главе CLXXVI 24-го дня «Странника» повествователь восклицает: «Уж не мудрость и не чувства приводят все в движение, но расчеты ума и сила магнитная!» [Вельтман 1978: 89].

Иногда книги из библиотеки Вельтмана не просто служили ему вдохновением для собственных произведений, но и прямо упоминались в них. В «Страннике» упоминается в слегка измененном виде название книги из собрания писателя «Новый опыт о великих происшествиях от малых причин» [см.: Рише 1783]. В своем сочинении Вельтман пишет: «<...> советую прочесть книгу под заглавием: *Великие дела от маловажных причин*. Если же вам неинтересно будет знать, каким образом отыскана и вошла в употребление соль, то не читайте книги, довольно знать и одно заглавие» [Вельтман 1978: 10]. Выходит, перед нами не мистификация, которыми полон «Странник» (как, например, будто бы прочитанные автором на стенах беседки надписи «странствующих рыцарей» [Вельтман 1978: 12] или отрывки, «писанные в роде предсказаний Нострадамуса», из «тетрадки, выпавшей с полки» [Вельтман 1978: 11]), а адресация к реальной книге. Но игра Вельтмана с читателем оказывается сложнее: названная книга действительно существует, а вот описания, «каким образом отыскана и вошла в употребление соль» [Вельтман 1978: 10], обнаружить в книге не удалось.

Разнообразная библиотека Вельтмана не только во многом дает ключ к пониманию его самобытного творчества, но

и является важным свидетельством эпохи. Она способна помочь и в установлении его деловых и дружеских связей. Значительное количество дарителей книг (более 50 лиц) — известные деятели науки и искусства, среди которых Н. И. Костомаров, Ф. Н. Глинка, С. П. Шевырев, И. И. Срезневский, М. А Дмитриев, Н. О. Эмин, Н. И. Билевич. Тот факт, что круг общения Вельтмана был очень широк, подтверждается и анализом эпистолярия писателя: в научно-исследовательском отделе рукописей РГБ хранится около 840 писем от более чем 180 корреспондентов.

Встречаются в собрании и книги с рисунками Вельтмана. Так, в парижском издании поэм Ж. Делиля 1801 г. на чистом листе в конце книги находится карандашный набросок, на котором изображен сам писатель в мундире. Внизу наброска подпись: «Генерал Вельтман», сделанная рукой писателя (заметьте, что военную службу Вельтман оставил в чине подполковника).

Обращение к этому частному собранию и продолжение его изучения должно стать одной из научных задач историка литературы первой половины XIX в.

## СОКРАЩЕНИЯ

Акутин 1974 — Акутин Ю. М. Из книг А. Ф. Вельтмана // Литературная Россия, 1974. № 34. С. 16.

Балашова 2004 — Балашова Е. А. Структура повествования в «Страннике» А. Вельтмана // Художественный текст: варианты интерпретации. Бийск, 2004. Вып. 9. С. 21—24.

Банах 2002 — Банах И. В. Игровая поэтика романа-путешествия А.Ф. Вельтмана «Странник» // Забытые и второстепенные писатели XVII—XIX веков как явление европейской культурной жизни. Псков, 2002. Т. 1. С. 214—221.

Белинский 1976 — Белинский В. Г. Предки Калимероса. Александр Филиппович Македонский // В. Г. Белинский. Собрание сочинений: В 9 т. М., 1976. Т. 1. С. 483—488.

Вельтман 1836 — Вельтман А. Ф. Предки Калимероса. Александр Филиппович Македонский. М., 1836.

